

© 1997 г. Д.А. Леонтьев

ДИНАМИКА СМЫСЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ*

Систематизируются и рассматриваются разновидности процессов динамики смыслов в ходе функционирования и развития личности. Выделены три разновидности смыслодинамических процессов: смыслообразование – процесс распространения смысла от ведущих смысловых структур к производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности; смыслоосознание – рефлексивное решение задачи на смысл через осознание смысловых связей; смыслостроительство – перестройка глубинных смысловых структур. Рассмотрены три группы ситуаций, порождающих процессы смыслостроительства: критические жизненные ситуации, личностные вклады значимых других и катартические эффекты художественного переживания.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, развитие, переживание, осознание, динамика.

Понятие "смысловые процессы" еще не вошло в язык и понятийный аппарат современной психологии личности, несмотря на то, что о смысловых образованиях, структурах и системах говорят уже давно, и не просто говорят: разрабатываемая рядом авторов в русле деятельностной теории А.Н. Леонтьева концепция "личностный смысл – смысловые образования – смысловая сфера личности" является на сегодняшний день одним из наиболее продуктивных направлений в психологии личности [2, 3, 8, 9, 11, 14, 21, 27, 28, 32, 34, 37, 40, 42, 44, 49, 50, 53 и др.]. В русле этой парадигмы, которую можно называть смысловым подходом в психологии личности, анализ структуры смысловой сферы и актуального функционирования смысловых структур и систем преобладает над попытками рассмотреть их динамику, пути и закономерности трансформаций. Другими словами, структурно-функциональный подход преобладает над динамическим. Конечно, в некоторых исследованиях авторы обращались и к смысловой динамике, но чаще всего эта последняя сводилась к традиционному представлению о смыслообразовании – придании мотивом смысла целям и обстоятельствам деятельности и соответственно действиям и операциям [27]. Единственной работой, в которой вопрос о динамике смыслов рассматривается в оригинальном ключе, является известная монография Ф.Е. Василюка [14], но и в ней, вводя новаторское понятие "смылостроительство", автор не делает попытки вписать его в систему других родственных понятий, довольствуясь развитием своих теоретических построений. Невнимание или недостаток внимания к этой проблеме особенно удивительны, если учитывать общую тенденцию повышения интереса к динамике личности, по сравнению с ее статичной структурой, в последние десятилетия в контексте прежде всего задач психотерапии и психокоррекции, воспитания и перевоспитания и др. Сейчас, как никогда, велико осознание задачи построения концепции "изменяющейся личности в изменяющемся мире" [1], исходящей из признания того, что "личность – не столько законченный продукт, сколько процесс" [65, с. 19].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17597).

Для решения этой задачи смысловой подход представляется наиболее адекватным, поскольку изменчивость, динамичность заложены в саму природу смысловых структур и систем, в отличие, скажем, от личностных черт или диспозиций. Исследователи, описывающие личность на языке последних, сталкиваются с трудностями как раз при попытке объяснить механизмы ее изменений, для понимания которых язык черт явно неадекватен. Методологический анализ этих трудностей был дан Ю. Джендлином: "Если нам надо понять изменения личности, необходимо понять, как могут изменять свою природу ее структурные составляющие... Мы не можем объяснить изменение определенного содержания, если наша конкретная теория определяет личность исключительно как содержание. Такая теория может сформулировать, что именно должно измениться, и впоследствии она может констатировать, что же изменилось и во что оно превратилось; однако то, как именно стало возможным такое изменение, останется теоретически необъяснимым до тех пор, пока наше объяснение оперирует понятиями о тех или иных определенных содержаниях" [67, с. 104]. Согласно Джендлину, избежать данное положение может лишь теория, закладывающая возможность изменения в свои объяснительные структуры (там же).

Этому требованию удовлетворяет смысловой подход, в частности, понимание смысловых структур как превращенной формы жизненных отношений субъекта (см. [32]). Сама эта форма определяется структурами человеческой деятельности и сознания, в функционирование которых вторгаются практические жизненные отношения, принимая форму смысловых структур. Любой структурный элемент личности тем самым включен одновременно по меньшей мере в два определяющих его движения: со стороны формы – в непрерывное движение структур деятельности и сознания субъекта, в его практику, в которой место и функции любого элемента отнюдь не являются неизменными, а со стороны содержания – в более медленное, но вместе с тем и более гибкое движение системы отношений субъекта с миром, более или менее резкие изменения которых в течение жизни человека отражаются в более или менее адекватных изменениях системы смыслов. Динамичность личностных структур прямо вытекает из их функции – сложной регуляции жизнедеятельности субъекта на фоне постоянно изменяющихся условий и ситуаций. Поэтому непрерывное изменение, развитие личности – затрагивающее ее в тех или иных частностях или целиком, плавное или скачкообразное – является способом ее существования.

В литературе предлагается различать "большую" и "малую" динамику смысловых образований. «Под "большой" динамикой развития смысловых образований понимаются процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности» [3, с. 38]. «Под "малой" динамикой развития смысловых образований понимаются процессы порождения и трансформации смысловых образований в ходе движения той или иной особенной деятельности» (там же, с. 39). Данную статью мы посвящаем исключительно механизмам "малой" динамики, несколько расширив при этом ее понимание. Ставя задачу целостного и систематического рассмотрения видов и форм динамики смысловых процессов, мы различаем по меньшей мере три их класса: процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

Первой разновидностью "малой" динамики смысловых образований являются процессы смыслообразования, достаточно хорошо изученные на сегодняшний день. Мы, однако, несколько расширяем традиционное понятие смыслообразования [27, 28]. Если А.Н. Леонтьев рассматривал его как процесс, протекающий в системе "мотив-цель" или "мотив-условия", О.К. Тихомиров [53], введя понятие операционального смысла, распространил идею смыслообразования "вниз", на систему "цель-условия", Б.С. Братусь [7] распространил ее "вверх", на иерархические отношения между мотивами разной степени общности, то остается сделать лишь один шаг, чтобы

понять смыслообразование как глобальный процесс подключения новых объектов (явлений) к существующей цепи или системе смысловых связей, в результате чего эти объекты (явления) приобретают новый смысл, а смысловая система распространяется на новые объекты (явления). В результате эти новые объекты (явления) встраиваются в систему жизненных отношений субъекта или в новую их подсистему и приобретают новые регулирующие функции (см. [34]). Эти процессы могут иметь разный масштаб значимости – от возникновения нового операционального смысла шахматной фигуры в свете нового замысла, открывающего путь к победе в партии, до классовой ненависти к близким людям, внезапно оказавшимся "врагами" в свете единственно правильного учения, – но суть их принципиально одна. Смыслообразование можно определить на языке психологических механизмов как *процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, "ядерных" смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности*. Это и опредмечивание актуальных потребностей, в результате которого предмет становится мотивом деятельности, приобретая соответствующий смысл (см. [38]). Это и процессы ситуативного развития мотивации, в которых формируется система смысловой регуляции деятельности, обеспечивающая реализацию ее мотива (см. [31]). Это и окрашивание в сознании личностным смыслом различных фрагментов образа мира, которые выступают как цели либо условия осуществления деятельности (см. [33]). Смыслообразование же в традиционном его понимании (от мотива к цели и условиям деятельности) предстает лишь как частный случай, локальное звено смыслообразования в широком смысле слова. Более того, даже в этом локальном звене обнаруживаются варианты: источником ситуативных смыслов в текущей деятельности могут выступать не только мотивы, но и другие смысловые структуры – смысловые диспозиции и смысловые конструкторы; соответственно уже на этом уровне достаточно четко различаются три механизма смыслообразования: мотивационный, диспозиционный и атрибутивный (см. [37]).

В отличие от других видов динамики смысловых процессов, смыслообразование характеризуется тем, что в нем не происходит содержательной трансформации смыслов. Оставаясь принципиально инвариантным, исходное смысловое содержание находит для себя новые превращенные формы и, перетекая в них и подчиняясь их "формообразующим закономерностям", меняет лишь форму своего проявления в деятельности субъекта. Так, например, смысл денег в известных опытах Дж. Брунера и К. Гудмена [10] из формы общей смысловой диспозиции переходит в форму личностного смысла, трансформирующего воспринимаемые размеры конкретных монет. В ситуации целеполагания цель принимает на себя "смысловой заряд" мотива – целиком или частично, в зависимости от их содержательного соотношения – и приобретает благодаря этому побудительную силу и т.п. При смыслообразовании, таким образом, происходит лишь расширение сети смысловых связей за счет подключения к ней новых и новых элементов. Если со стороны смыслового содержания деятельности смыслообразование выступает как фиксация инвариантного смысла в новых превращенных формах, то со стороны предметного содержания тот же процесс выступает как осмысление новых конкретных объектов, явлений и действий в контексте исходных более общих смыслов.

Остановимся на общей характеристике процессов смыслообразования.

Во-первых, необходимо отметить общую направленность любых процессов смыслообразования – "сверху вниз", т.е. от полюса субъекта деятельности к полюсу ее объекта. Именно этот путь наполнения деятельности осмысленностью как одной из ее фундаментальных характеристик отмечают В.П. Зинченко и В.М. Мунипов [20, с. 53].

Во-вторых, процессы смыслообразования подчинены определенной логике. В.К. Вилюнас отмечал, что именно «познавательный "слой", отражающий объективную действительность, служит по отношению к эмоционально-смысловым процессам субъективного "слоя" своего рода потенциальной схемой, подобно тому, как канавки,

проложенные садоводом, создают потенциальную схему «распространения воды возможного дождя» [15, с. 134]. Эта образная характеристика является во многом верной, но, на наш взгляд, неполной, поскольку направление процессов смыслообразования определяется не только рациональным познавательным отражением объективных взаимосвязей объектов и явлений действительности, но и иррациональным отражением иных их взаимосвязей в доминирующей на уровне неосознаваемого психического отражения "иной логике", которой со времен работы З. Фрейда [56] о толковании сновидений все чаще уделяют внимание в самой разной связи (см., например, [2, 18, 24 и др.]). По сути, сама эта "иная логика", носящая метафорический характер, объективированная в мифах и проявляющаяся в сновидениях, и есть логика смыслов, т.е. отражения не мира как такового, а мира в его единстве с субъектом (см. [2, с. 378]).

В таком утверждении содержится опасность тавтологии: действительно, основой для смысловой динамики становится некая логика, основой которой в свою очередь выступает смысловая динамика. Разделение генетического и функционального аспектов рассмотрения позволит нам эту тавтологию преодолеть, предположив, что носителями "иной логики" выступают особые глубинные структуры психики, наиболее адекватным обозначением которых служит, на наш взгляд, термин "схематизмы" [14, с. 157–161]. Различного рода схематизмы, типа "интроектов" З. Фрейда, "комплексов" К.Г. Юнга, "сценариев" Э. Берна и т.п., формируются в раннем онтогенезе¹ наряду с познавательными структурами сознания. В отличие от последних, они, однако, компенсируют в себе опыт не познания мира, а отношений с миром, т.е. смысловой опыт. В функциональном же плане схематизмы влияют на актуальную смысловую динамику, подчиняя ее своим "формообразующим закономерностям" (см. [14, с. 160]), направляя течение процессов смыслообразования в сторону от путей, диктуемых "познавательным слоем" сознания (В.К. Виллюнас). Схематизм как таковой, если он не связан с аффективно заряженной смысловой диспозицией, не порождает новых смыслов; но он как бы "искривляет пространство", в котором протекают смысловые процессы, преобразовывая в соответствии со своими "формообразующими закономерностями" логику психического отражения в "иную логику", которая и становится потенциальной схемой, определяющей развитие смысловых связей, т.е. направление процессов смыслообразования.

Смыслообразование, однако, не сводится к описанному "растечению смысла по канавкам". Его результатом нередко становится то, что смысловая структура, приобретаая устойчивость, "перерастает" свое исходное место в деятельности и начинает выступать уже в ином качестве. Примером является хорошо известный феномен "сдвига мотива на цель" [27], предпосылкой которого является приобретение целью смыслового содержания, достаточного для того, чтобы она могла самостоятельно инициировать деятельность, становясь тем самым мотивом. Таким образом, здесь мы имеем дело с трансформацией и самих смысловых структур – их ростом, развитием, и переходом в новое качество, питаемым процессами смыслообразования.

СМЫСЛОСОЗНАНИЕ

Вторая разновидность динамики смысловых процессов порождается направленной на них работой осознания. Некоторые авторы в свое время подчеркивали, что личностные смыслы и смысловые образования не изменяются от факта их осознания [1, 3]. Необходимо, однако, различать два принципиально различных, на наш взгляд, процесса: осознание смысловых структур и осознание смысловых связей.

В первом случае речь идет о работе интроспекции (самоанализа), результатом которой является констатация субъектом присутствия в структуре регуляции жизнедеятельности определенных смысловых структур – мотивов, диспозиций и др., –

¹ Мы намеренно обходим здесь проблему "архетипов коллективного бессознательного".

оказывающих на его жизнь более или менее существенное влияние. Такое осознание может выступать результатом не только самоанализа, но и использования специальных приемов психологического воздействия (например, психоанализа или некоторых других психотерапевтических техник), а также спонтанно, в соответствии с механизмами, описываемыми "теорией самовосприятия" Д. Бема (см. [57, с. 67–69]). В подобных случаях сам факт осознания не трансформирует соответствующие структуры ни в содержательном отношении, ни в отношении их действительности. Позитивный терапевтический эффект обеспечивается за счет того, что осознание наличия соответствующих внутренних регуляторов открывает перед субъектом потенциальные возможности для сознательной перестройки своих отношений с миром. Дальнейшее осуществление такой перестройки и трансформация соответствующих смысловых структур (или неспособность ее осуществления) прямо не вытекают из факта осознания смысловых структур, которое, повторяем, само по себе не приводит к их изменению.

Совсем иначе предстает процесс осознания смысловых связей. Это направленная не столько на себя, сколько на мир рефлексивная работа сознания, заключающаяся в решении особой задачи. «Сознание строится, формируется, – писал А.Н. Леонтьев, – в результате решения 2-х задач: 1. Задачи познания реальности (что сие есть?); 2. Задачи на смысл, на открытие смысла (что сие есть для меня?). Последняя задача, т.е. "задача на смысл", есть труднейшая задача. В своем общем виде это – "задача на жизнь"» [30, с. 184]. Задача на смысл характеризуется А.Н. Леонтьевым [28] как задача осознания тех мотивов, которые сообщают смысл тем или иным объектам, явлениям и действиям. Такое понимание, однако, тоже нуждается в расширении, поскольку в соответствии с изложенным выше представлением о смыслообразовании мы вправе задаться вопросом о смысле мотива в контексте всей жизни человека и даже о смысле жизни – в контексте жизнедеятельности человечества в целом (см. также [8]). В наиболее общем виде задача на смысл есть *задача определения места объекта или явления в жизнедеятельности субъекта*. Она может ставиться по отношению к собственному действию (ради чего я это сделал или делаю или собираюсь делать; какие мотивы за ним стоят, какие потребности или ценности находят реализацию в этом действии и к каким следствиям оно приведет), а также по отношению к объектам, явлениям или событиям действительности (какое место они занимают в моей жизни, в моем жизненном мире, для каких аспектов моей жизни они безразличны, как могут повлиять на нее, какие будут иметь последствия).

О возникшей задаче человеку сигнализируют "безотчетные, т.е. субъективно беспричинные", эмоции, порождая вопрос: "Что произошло, что дало эмоциональный след, эмоциональный тон жизни (настроение)?" [30, с. 185]. С.Л. Рубинштейн говорит о неосознанных или неадекватно осознанных чувствах там, где причина переживания остается скрытой от субъекта [47, с. 159–160]. Но, строго говоря, неосознанным в этой ситуации является именно смысл, о котором сигнализирует данное презентированное в сознании эмоциональное переживание, т.е. место объекта, явления или действия, к которому оно отнесено, в жизнедеятельности субъекта. "Осознавать явления и события – значит мысленно включать их в связи объективного мира, видеть, воспринимать их в этой связи" (там же, с. 158). В свою очередь осознавать смысл явлений и событий – значит, включать их в систему смысловых связей жизненного мира субъекта, видеть их уникальное, исключительное и вместе с тем объективное место в собственной жизнедеятельности.

Решение задачи на смысл, т.е. более полное, по сравнению с исходной ситуацией, осознание смысловых связей определенного объекта, явления или действия с жизнедеятельностью субъекта в целом (и, далее, с жизнедеятельностью социума и человечества), приводит к изменениям, которые по отношению к исходному смыслу выступают как его вербализация, а по отношению к предметному содержанию – как расширение контекста его осмысления. Вербализация смысла, т.е. его воплощение в значениях, переводит его на новый уровень функционирования. Во-первых, он

получает некоторое причинное объяснение [15, с. 93]. Во-вторых, он становится ограничен определенными рамками, сужается его объем [53, с. 198]. В-третьих, приобретая семантическую определенность, "семантизируясь", смыслы теряют пластичность, свободу взаимодействия между собой, "то, что зафиксировано в развернутой речи, приобретает стабильность, утрачивает смутные, зыбкие очертания субъективного переживания, становится наиндивидуальным социальным фактором, орудием общения, "именем" объекта и потому феноменом, ясно осознаваемым. Но за все эти привилегии надо платить. А плата заключается в ущербе, который этими преимуществами наносится способности к легкому установлению новых связей оречевленного смысла с другими смыслами. Сколько приобретается в результате вербализации смысла в его логической завершенности, столько утрачивается, по-видимому, в его потенциях к дальнейшему развитию" [5, с. 741]. Это изменение отражает переход законов взаимодействия смыслов от вневременной и нечувствительной к противоречиям [2] логики бессознательного к подчинению их более жесткой логике сознания.

Расширение контекста осмысления объектов, явлений и действий характеризует процесс осознания смысловых связей с несколько иной стороны. Каждый знает по своему опыту, что непосредственная оценка жизненного смысла объектов, явлений и действий может впоследствии, по размышлении, оказаться поверхностной и неадекватной. Оценив какое-либо событие как благоприятное с точки зрения сиюминутных нужд, я могу впоследствии осознать его негативный смысл в контексте стратегических жизненных целей и ценностей, в более далекой временной перспективе. Допустимо и обратное — примеры можно позаимствовать из логотерапевтической практики В. Франкла [55]. Он характеризовал совесть как орган смысла, позволяющий в любой ситуации уловить истинный смысл [66]. Поэтому можно сказать, что задача на смысл (применительно к поступкам) — это задача на совесть, а отказ от осмысления, от решения задачи на смысл — это отказ от совести. Ведь ссыла на давление обстоятельств или на подчинение приказу как обоснование неблагоприятного поступка есть не что иное, как уход от задачи на смысл — в противном случае сохранение самоуважения и душевного равновесия было бы вряд ли возможно. Во всех случаях для осознания истинного смысла через расширение контекста осмысления требуется определенная интеллектуальная работа, которая не под силу человеку, живущему исключительно сиюминутными нуждами и интересами и не задумывающемуся над стратегической жизненной перспективой².

Расширение контекста осмысления факта действительности может осуществляться с помощью не только осознания всей протяженности смысловых связей от частного к общему, но и подключения новых смысловых контекстов. Событие, оцениваемое как неблагоприятное, можно переосмыслить, найдя для него другой смысловой контекст, в котором оно будет выступать как благоприятное. Например, плохая погода перечеркнула план загородной поездки — **плохо**, но зато тем самым освободилось время доделать накопившиеся дела, "стряхнуть" их с себя — **хорошо**. По сути, здесь речь идет о хорошо известном механизме рационализации, с одним лишь уточнением, что рационализация в ее классическом понимании (см. [48]) направлена всегда на оправдание свершенного действия или принятого решения либо на дискредитацию помех, пусть даже с помощью довольно искусственного "притягивания" подходящих контекстов. Расширение же контекста осмысления как механизм осознания смысла, о котором мы здесь говорим, направлено, напротив, на максимально полное осознание всех возможных контекстов, хотя влияние защитных механизмов, препятствующих осознанию тех или иных связей, игнорировать при этом нельзя.

Подводя черту под рассмотрением осознания смысловых связей как механизма трансформации смыслов, лишний раз подчеркнем, что даже максимально возможная

² Ярким примером служат больные хроническим алкоголизмом (см. [39]) и несовершеннолетние правонарушители [12, 13].

полнота контекста осмысления не гарантирует его адекватности и безошибочности. Адекватность осмысления субъектом тех или иных сторон действительно проверяется только его практической деятельностью. Вместе с тем осознание смысловых регуляторов деятельности обеспечивает более высокий уровень овладения субъектом своей собственной деятельностью, контроля над ее протеканием. Тем самым деятельность зрелой личности приобретает перспективную стратегическую направленность, свободу от влияния соблазнов ситуации и сиюминутных импульсивных побуждений.

СМЫСЛОСТРОИТЕЛЬСТВО

Третья и последняя рассматриваемая нами *разновидность* процессов смысловой динамики качественно отлична от двух описанных выше. Смыслообразование по определению порождается самим движением предметности; осознание смыслов осуществляется благодаря направленной рефлексии субъектом своих отношений с миром. И смыслообразование, и осознание смыслов суть процессы развития смысловой структуры личности, однако они могут обеспечивать это развитие лишь до тех пор, пока противоречия, возникающие в объективной системе отношений субъекта с миром, не потребуют осуществления более или менее радикальной смысловой перестройки личности. Смыслообразование и смыслоосознание, создавая, как правило, предпосылки для подобной перестройки, не в состоянии ее реализовать, поскольку речь идет о необходимости преобразования не структур деятельности или психического отражения, а глубинных личностных структур. Подобные перестройки реализуются особого рода процессами, носящими принципиально неосознаваемый характер, – процессами смыслостроительства [14]³. Эти процессы опосредованы "особым движением сознания", его "особой внутренней деятельностью" по соизмерению, соподчинению и упорядочиванию отношений субъекта с миром, в том числе путем творческой перестройки прежних связей [14, с. 120; 26, с. 33; 49, с. 223].

Можно выделить три класса ситуаций, в которых мы отчетливо наблюдаем процессы смыслостроительства.

Критические перестройки. Первый из этих классов – это критические ситуации жизни субъекта, характеризующиеся невозможностью реализации им внутренних потребностей своей жизни [14]. Критические ситуации – стресс, фрустрация, конфликт и кризис – выражаются в нарушении смыслового соответствия сознания и бытия субъекта. Восстановить это соответствие невозможно ни посредством предметно-практической деятельности, ни посредством познавательной деятельности, осознания. "Подлинная проблема, стоящая перед ним (субъектом. – Д.Л.), ее критический пункт состоят не в осознании смысла ситуации, не в выявлении скрытого, но имеющегося смысла, а в его (субъекта. – Д.Л.) сознании, в смыслопорождении, смыслостроительстве" [14, с. 24]. Смыслостроительство осуществляется в особого рода внутренней деятельности – деятельности переживания, которая представляет собой внутреннюю работу, направленную на устранение смыслового рассогласования сознания и бытия, восстановление их соответствия и обеспечивающую в конечном счете повышение осмысленности жизни (там же, с. 30).

Реально осуществляемая в подобных ситуациях деятельность переживания может приводить к различным эффектам в зависимости от психологических механизмов, на которых она строится. Две принципиально различные стратегии описывает Э.И. Киришбаум [22, 23], оперирующий понятием "эксquisite ситуации". Это понятие содержательно близко понятию "критическая ситуация" [14], однако обобщает более широкий круг ситуаций (от проблемных до пограничных), по отношению к которым оно выступает как родовое. «Эксquisite ситуации являются тем

³ С внешней стороны подобные перестройки неоднократно описывались разными авторами [19, 26, 28, 46 и др.], однако лишь в работе Ф.Е. Василюка [14] дана развернутая концептуализация психологических механизмов такой перестройки.

"перерывом постепенности" в регуляции личности, в котором находит свое отражение назревшее противоречие и который представляет возможность перестройки ранее сложившихся структур деятельности, общения, личностных свойств и выход на иное, более совершенное качество саморегуляции и взаимодействия с миром» [22, с. 6]. Подобная перестройка, соответствующая модели "удачного" переживания по Ф.Е. Василюку [14, с. 56–58], является, однако, лишь одной из возможных альтернатив разрешения экзквизитной ситуации. Другая альтернатива заключается в восприятии конфликта как угрозы внутреннему благополучию и целостности; саморегуляция направляется на снижение уровня эмоциональной напряженности и осуществляется на уровне психологической защиты [22, 23]. Переживание в этом случае выступает как "неудачное" [14, с. 56–58].

Чтобы соотнести эти две стратегии с целью деятельности переживания – восстановлением нарушенного смыслового соответствия между сознанием и бытием, – необходимо прежде всего дифференцировать в этом контексте понятие "бытие", различая практические жизненные отношения субъекта и их превращенную форму (глубинные смысловые структуры личности). Смысловое рассогласование, о котором пишет Ф.Е. Василюк, точнее было бы охарактеризовать как рассогласование этих двух компонентов бытия, отражающееся в сознании. Перестройка практических жизненных отношений в целях восстановления их соответствия утратившим адекватность субъективным представлениям о них – нереальная затея, поскольку жизнь не подвластна преобразующим усилиям одного человека, пусть даже располагающего большими возможностями⁴. Реальное разрешение критической (или экзквизитной) ситуации возможно путем трансформации смысловых структур личности в соответствии с трансформировавшимися жизненными отношениями. Этот конструктивный путь соответствует первой из двух описанных Э.И. Киршбаумом альтернатив. Второй альтернативе соответствует ситуация защитной перестройки структур сознания. Критическая ситуация бытия при этом устраняется из сознания. Психологической основой выбора субъектом защитной стратегии переживания критической ситуации, т.е. фактического ухода от ее конструктивного разрешения, выступает потребность подтверждения "идеализированного Я", сохранения иллюзорной целостности личностной структуры [58], в то время как предпосылкой конструктивной смысловой перестройки личности является положительная дезинтеграция сложившейся структуры [64]. Очевидно, что использование защитной стратегии не снимает критической ситуации. Она не исчезает из жизни субъекта и в ряде случаев продолжает обостряться. Фактически психологическая защита – это отказ от необходимого в данной жизненной ситуации смыслостроительства, перенос решения конфликта из плоскости реальной жизни субъекта в плоскость его сознания⁵. Даже такие критические ситуации, как потеря близкого человека, могут разрешаться на основе психологической защиты по типу отражения, о чем свидетельствуют данные клинической психологии (см. [14, с. 73]).

Личностные вклады. Как уже упоминалось, критическая ситуация жизни субъекта не единственная, в условиях которой происходит смыслостроительство, перестройка сложившихся смысловых структур личности. Вторым классом ситуаций, в которых мы наблюдаем подобную психологическую перестройку, являются ситуации контакта и взаимодействия с иным смысловым миром – с другой личностью. В этом случае «толчком к внутренней "работе" личности по переосмыслению себя, своей позиции в мире, своего жизненного опыта и т.п. является "встреча" с иной точкой зрения на одни

⁴ Единственной реальной возможностью разрешения критической ситуации этим путем является суицид.

⁵ Вариант защитной стратегии представляет собой поведение, описываемое как "враждебность" в терминах теории личностных конструктов Дж. Келли. Вместо того, чтобы перестроить свои конструкты, служившие основой для прогнозов, которые были опровергнуты реальным ходом событий, человек пытается переинтерпретировать, переоценить или даже физически воздействовать на события, чтобы заставить их соответствовать своим прогнозам: "Если люди не хотят своим поведением подтверждать его прогнозы, он заставит их!" [68, с. 511].

и те же обстоятельства, события, факты и т.п., причем точкой зрения равноценной» [46, с. 190].

Естественно, что далеко не во всех актах общения взаимодействие его участников носит характер диалога в высшем смысле этого слова и приводит к обоюдным смысловым перестройкам. Ведь, как и переживание критических ситуаций, смысло-строительство в ситуации диалога включает в себя в качестве необходимого этапа более или менее масштабное разрушение сложившихся смысловых структур, на "обломках" которых строятся новые смыслы (см. [54, с. 118]). Свойственная в той или иной мере всем людям инерционная тенденция к поддержанию целостности своей личности, к сохранению сложившейся смысловой структуры выступает в роли мощного предохранительного механизма, оценивающего открытость личности глубинному диалогу, затрагивающему основы осмысления ею действительности. Поэтому в большинстве случаев реальное общение носит монологический характер. В диалоге личность закрыта для взаимодействия на уровне смыслов; «образ собеседника... является проекцией личностной позиции говорящего, перенесением на "него" того, что фактически значимо лишь "для меня"» [46, с. 191].

Открытость глубинному диалогу с конкретным другим, допускающая возможность изменения меня в ходе этого диалога, обусловлена значимостью этого другого для меня, а само наличие реальных изменений может служить критерием этой значимости. Эмпирически исследования показывают ограниченность круга значимых других, способных оказать на личность воздействие, выходящее за пределы актуального взаимодействия и выражающееся в перестройке ее смысловых структур. Согласно данным Е.А. Хорошиловой [59], основанным на косвенных оценках испытуемых, число значимых других, способных оказать реальное влияние на формирование личности любого конкретного человека на протяжении его жизненного пути, ограничено универсальной константой, равной 18.

Путь к психологическому анализу конкретных механизмов описанного взаимодействия открывает, на наш взгляд, концепция отраженной субъектности [43, 44], являющаяся дальнейшим развитием идеи "личностных вкладов". Отраженная субъектность определяется «как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения "человек отражен во мне как субъект" означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации... отражаясь во мне, он выступает как активное деятельностное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушными, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня тот или иной личностный смысл» [43, с. 18].

В.А. Петровский выделяет и описывает три основные генетически преемственные формы проявления отраженной субъектности. Первая форма – запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний – психологически выступает в форме переживания индивидом того влияния, которое непроизвольно оказывает на него данный индивид. Вторая форма – представленность субъекта как идеального значимого другого – проявляется в переживании присутствия "внутри" себя второй, альтернативной смысловой перспективы, принадлежащей Другому во мне. При осмыслении жизненных ситуаций во мне обнаруживаются два смысловых фокуса, находящиеся в отношении диалога друг с другом. Подобное присутствие Другого во мне в виде альтернативной перспективы осмысления действительности не зависит от фактического его присутствия в ситуации (там же, с. 18–20).

Третьей, завершающей формой отраженной субъектности выступает претворенный субъект. Здесь происходит уже полное слияние и взаимопроникновение смысловой перспективы Я и Другого (и соответственно перестройка смысловой структуры Я). Присутствие Другого во мне уже невозможно обнаружить рефлексивным путем; это присутствие нашло свое завершенное выражение в изменении моей личности (там же, с. 21).

Завершая рассмотрение динамики отраженной субъектности, приведем слова В.А. Петровского, отчетливо выражающие сущностную связь механизмов этой динамики с процессами смыслостроительства, в контексте которых мы ее рассматриваем: "Понятие отраженной субъектности выражает особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение... Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего" (там же).

Художественное переживание. Перейдем теперь к анализу третьего класса ситуаций смыслостроительства – ситуаций воздействия искусства на личность.

Необходимо сразу оговориться, что воздействие, о котором пойдет речь, не вытекает автоматически из любого контакта человека с художественным произведением. Мы ограничим наш анализ идеальной моделью полноценного восприятия личностного произведения, не рассматривая специально условий, при которых такое восприятие имеет место в действительности.

Можно выделить три теоретических обоснования рассмотрения нами процессов художественного восприятия в контексте динамики смысловых процессов. Во-первых, многие теоретики подчеркивают необходимость определенной внутренней работы сознания, которая нередко характеризуется как сотворчество читателя или зрителя, для полноценного художественного восприятия [4, 16, 29]. Эта внутренняя работа несводима к познавательному или эмоциональному отражению; она заключается именно во внутренних трансформациях, "переплавке чувств" [17] и обычно обозначается термином "художественное переживание" (см., например, [60, 61, 63]). Во-вторых, не что иное, как личностные смыслы, рассматривается многими авторами как специфическое содержание художественного произведения, а их трансляция – как основная психологическая функция последнего (см. [36]). Наконец, в-третьих, сама художественная деятельность часто описывается как форма общения автора (исполнителя) со зрителями (читателями, слушателями), опосредованная художественным произведением [25 и др.]. Последний момент сближает психологическую ситуацию художественного восприятия с рассмотренной выше психологической ситуацией диалога.

Действительно, если в общении с конкретным телесным Другим я сталкиваюсь с иным смысловым видением мира, иной смысловой перспективой, выражающейся в словах и поступках этого человека, то, "общаясь" с художественным произведением, я также сталкиваюсь с выраженным в нем смысловым видением мира, присущим его автору. Это – "представление о мире в свете отношения к нему человека" [60, с. 10], "мир, пропущенный через другую личность" [51, с. 437]. "Художник вливает в чувственную, говорящую нашему восприятию художественную форму мир своих неповторимо-пережитых смыслов, свое переживание времени" [45, с. 15].

Взаимодействие с этим объективированным в произведении миром автора и представляет собой художественное переживание. "Художественный материал обладает способностью "оживать" в личностном сознании, становится частью реального функционирования этого сознания" [62, с. 35]. "Внесение (или невнесение) в сознание реципиента нового смыслового содержания и позволяет, собственно говоря, ответить на главный вопрос: состоялось или не состоялось реальное восприятие художественного произведения" (там же, с. 34). Но, поскольку два смысла необходимо "должны внутренне соприкоснуться, т.е. вступить в смысловую связь" [6, с. 219], следующей стадией процесса художественного переживания будет являться соотношение личного смыслового опыта реципиента со смысловым опытом художника, воплощенным в произведении [61]. А.Ф. Лазурскому удалось экспериментально зафиксировать процесс разложения текста сразу после его прочтения и комбинирования его элементов с элементами личного опыта реципиента (см. [17, с. 108]).

В том случае, если взаимодействие смыслового содержания произведения с личным опытом реципиента приводит к реальным трансформациям последнего в художест-

венном произведении [60], художественное переживание завершается эффектом катарсиса. Преобразование, "очищение" эмоций, в форме которого эффект катарсиса переживается субъектом, является отражением процесса глубинной смысловой перестройки, диалектического разрешения на новом уровне внутреннего противоречия в смысловой сфере личности.

Смыслостроительство, происходящее в личности под воздействием контакта с искусством, не всегда протекает в направлении ее развития. Секрет специфической действенности искусства – в художественной форме, которая вводит мир произведения в "непосредственное и непринужденное" [41] соприкосновение с внутренним миром личности. Однако в эстетически действенную форму может облекаться не только глубокое и возвышенное, но и примитивное, пассивное или циничное мироотношение. "Почему мы возмущаемся бульварным, порнографическим искусством? Если бы его предназначение ограничивалось "развлечением" индивида, отдыхом... то не стоило бы так ополчаться против лжеискусства. Но, пользуясь средствами искусства, оно не просто... развлекает, оно оказывает влияние и на мироотношение человека. Разумеется, лишь тогда, когда оно его затронуло" (там же, с. 207). В этом случае смысловые перестройки ведут в конечном итоге не к развитию личности, а к ее деградации.

В критических ситуациях, а также в ситуациях диалога условием возможности смысловых перестроек под воздействием искусства является готовность субъекта к таким перестройкам, его открытость диалогу с иной смысловой перспективой. Столь же характерна противоположная, защитная установка, обеспечивающая нечувствительность к воздействию искусства. Одна из ее форм – эстетская установка. Недаром О. Уайльд заметил, что один из способов не любить искусство – это любить его рационалистически. Различные варианты такого "частичного" (в противоположность целостному) восприятия искусства, при котором оно лишается своих сущностных черт и тем самым возможности воздействия на воспринимающего, описаны в статье М. Тимченко [52].

Попробуем теперь рассмотреть вместе три описанных выше класса ситуаций, в которых могут происходить процессы смыслостроительства. В критической жизненной ситуации наблюдается столкновение субъекта, личность которого представляет собой устойчивую иерархию его отношений с миром, с самим миром, в результате которого выявляется противоречие между практическими жизненными отношениями и их смысловой репрезентацией в структуре личности. В двух остальных классах ситуаций происходит аналогичное столкновение, однако не с самой реальностью мира, а с его иной смысловой моделью, смысловой перспективой мировосприятия, носителем которой выступает в одном случае конкретный Другой во всей своей целостности, а в другом – художественное произведение. Возникающее в этом случае противоречие между собственной и чужой смысловой перспективой мировосприятия будет иметь критический характер лишь в том случае, если чужая альтернативная смысловая перспектива будет оценена как более адекватная – в силу либо ее большей обоснованности, либо априорного признания за конкретным Другим или автором художественного произведения высшего авторитета в осмыслении мира. Во всех случаях процессы смыслостроительства служат разрешению выявившегося критического противоречия.

Естественно, что необходимым условием выявления смыслового противоречия является сама возможность вступления смыслового опыта субъекта в непосредственный контакт с чужим смысловым опытом или с самой реальностью бытия, что требует отказа от описанных выше психологических защит.

Различия трех описанных ситуаций связаны прежде всего с их критичностью, остротой, насущностью. Критические жизненные ситуации представляют некоторый предел, за который уже нельзя двигаться, не разрешив противоречия. Смысловые перестройки в этих ситуациях абсолютно необходимы, они выступают условием сохранения психологической целостности личности в долгосрочной перспективе

путем позитивной дезинтеграции сложившихся ригидных регуляторных структур и их реинтеграции на новой основе.

Напротив, искусство "есть организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней" [17, с. 322]. Смысловые перестройки, происходящие под воздействием контакта с искусством, не являются жизненно необходимыми сегодня, но вооружают субъекта механизмами преодоления реальных кризисов завтра. Субъекту нет необходимости для развития и обогащения своего мировосприятия переживать каждый раз новые и новые кризисы в своей жизни. Искусство позволяет сделать это безболезненно, воздействуя на человека так же непосредственно, как и реальная жизнь, но при этом непринужденно, не заставляя его подчиняться какой-либо жесткой необходимости [41]. В развитии, обогащении форм осмысления субъектом действительности и заключается основная психологическая функция искусства, приобщение к которому не только не "отрывает" человека от жизни, а скорее наоборот, приближает его к ней (см. [36]).

Ситуации общения занимают промежуточное положение. С одной стороны, они не содержат в себе такой жесткой необходимости, как критические жизненные ситуации; с другой – они не предоставляют и такой свободы в отношении к ним, как ситуации контакта с искусством. Поскольку человек живет в окружении других людей, в обществе ему приходится в большей или меньшей степени согласовывать свое мировосприятие со смысловой перспективой других людей, а также социальных групп и человечества в целом. В сущности, социализация заключается в более или менее успешном преодолении исходной эгоцентрической смысловой перспективы. Это привносит в ситуацию общения момент необходимости и критичности, присутствующий в ней наряду с непринужденностью.

* * *

Подытожим содержание статьи. Поставив проблему перехода от структурно-функционального к динамическому анализу смысловой сферы личности и смысловой регуляции деятельности, мы выделили три класса смысловых процессов: *смыслообразование* – расширение смысловых систем на новые объекты и порождение новых производных смысловых структур; *смыслоосознание* – восстановление контекстов и смысловых связей, позволяющих решить задачу на смысл объекта, явления и действия; *смыслостроительство* – содержательная перестройка жизненных отношений и смысловых структур, в которых они преломляются. Процессы смыслостроительства могут порождаться тремя классами ситуаций: критическими (эксquisite) жизненными ситуациями, обнажающими рассогласование жизненных отношений и смысловых структур личности, личностными вкладами значимых других и столкновением с художественно запечатленной реальностью в искусстве. Этот спектр процессов динамики смысловой сферы личности охватывает как эволюционные, так и революционные изменения, как осознаваемые или даже инициированные работой сознания, так и неосознаваемые трансформации, как "синхронические", так и "диахронические" процессы (см. [44, с. 26]). Нам представляется, что системный взгляд на смысловую динамику, в дополнение к активно разрабатываемым структурно-функциональным представлениям, позволяет поднять смысловой подход на качественно новый уровень и раскрывает новые его возможности, которые могут плодотворно использоваться, в частности, в контексте задач психотерапии, консультирования, работы с семьей, психологии воспитания и развития личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии. Воронеж: Модэк, 1996.
3. Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. и др. О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности // *Вопр. психологии*. 1979. № 3. С. 35–45.
4. Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // *Вопр. литературы*. 1961. № 2. С. 36–46.
5. Бассин Ф.В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления // *Бессознательное: природа, функции, методы исследования* / Под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, В.Ф. Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 735–750.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
7. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 1981. № 2. С. 46–56.
8. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование. М.: Знание, 1985.
9. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
10. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
11. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
12. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
13. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // *Психол. журн*. 1997. Т. 18. № 2. С. 58–78.
14. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
15. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
16. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Работник просвещения, 1926.
17. Выготский Л.С. Психология искусства. 2-е изд. М.: Искусство, 1968.
18. Дмитриев А.Н. Философский анализ проблемы бессознательного. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985.
19. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
20. Зинченко В.П., Мунин В.М. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // *Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика*. М., 1976. Вып. 10. С. 28–59.
21. Иваников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
22. Кирибаум Э.И. Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
23. Кирибаум Э.И., Еремеева А.И. Психозащитное существование в культуре // *Культура, техника, человек* / Отв. ред. В.И. Залунин. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. С. 64–74.
24. Леклер С. Бессознательное: иная логика // *Бессознательное: природа, функции, методы исследования* / Под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 260–271.
25. Леонтьев А.А. Психология общения. 2-е изд. М.: Смысл, 1997.
26. Леонтьев А.Н. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность // *Проблемы научного коммунизма*. М.: Мысль, 1968. Вып. 2. С. 30–42.
27. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
28. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
29. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х тт. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
30. Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // *Художественное творчество и психология* / Под ред. А.Я. Зиса, М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1991. С. 184–187.
31. Леонтьев Д.А. О системном характере смысловой регуляции деятельности // *Структура и*

- динамика познавательной и исполнительной деятельности: Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. М.: ВНИИТЭ ГКНТ СССР, 1987. Вып. 33. С. 106–115.
32. *Леонтьев Д.А.* Структурная организация смысловой сферы личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
 33. *Леонтьев Д.А.* Личностный смысл и трансформация психического образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1988. № 2. С. 3–14.
 34. *Леонтьев Д.А.* Человек и мир: логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия / Отв. ред. Б.А. Парохонский. Киев: Наукова Думка, 1990. С. 47–58.
 35. *Леонтьев Д.А.* Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1990. № 3. С. 33–42.
 36. *Леонтьев Д.А.* Осмысленность искусства // Искусство и эмоции: материалы Международного научного симпозиума / Под ред. Л.Я. Дорфмана, Д.А. Леонтьева, В.М. Петрова, В.А. Созинова. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 1991. С. 57–70.
 37. *Леонтьев Л.А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
 38. *Леонтьев Д.А.* Системно-смысловая природа и функции мотива // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. № 2. С. 73–82.
 39. *Леонтьев Д.А., Бузин В.Н.* Особенности смысловой структуры мировоззрения при хроническом алкоголизме // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 3. С. 22–30.
 40. *Насиновская Е.Е.* Методы изучения мотивации личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
 41. *Натев А.* Искусство и общество. М.: Прогресс, 1966.
 42. *Пантилеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
 43. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопр. психологии. 1985. № 4. С. 17–30.
 44. *Петровский В.А.* Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
 45. *Печко Л.* Некоторые аспекты проблемы индивидуального стиля // Некоторые вопросы истории и теории эстетики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. Вып. 2.
 46. *Родионова Е.А.* Общение как условие формирования личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 177–197.
 47. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
 48. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
 49. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
 50. *Субботский Е.В.* Изучение у ребенка смысловых образований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 1. С. 62–72.
 51. *Тендряков В.Ф.* Плоть искусства // Собр. соч. в 4-х тт. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. С. 417–475.
 52. *Тимченко М.* Целостное и частичное восприятие искусства // Художник и публика. Л.: ЛГИТМ и К, 1981. С. 108–112.
 53. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
 54. *Тульчинский Г.Л.* Проблема осмысления действительности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
 55. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
 56. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Современные проблемы, 1913.
 57. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 2.
 58. *Хорни К.* Невроз и развитие личности // Собр. соч. в 3-х тт. М.: Смысл, 1997. Т. 3.
 59. *Хорошилова Е.А.* Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984.
 60. *Целма Е.М.* Художественное переживание в процессе восприятия искусства. Рига: ЛатГУ, 1974.
 61. *Шор Ю.М.* Восприятие произведения искусства и проблема эстетического переживания // Методологические проблемы современного искусствознания. Л.: ЛГИТМиК, 1978. Вып. 2. С. 20–25.
 62. *Шор Ю.М.* Художественное переживание как процесс // Методологические проблемы современного искусствознания. Л.: ЛГИТМиК, 1980. Вып. 3. С. 32–38.

63. Шор Ю.М. Личность художника в контексте теории художественной культуры // Искусство в системе культуры: социологические аспекты. Л.: ЛГИТМ и К, 1981.
64. Яценко Т.С. Активное социально-психологическое обучение в подготовке будущих учителей. Киев: Вища школа, 1987.
65. Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale Univ. Press, 1956.
66. Frankl V. The Unconscious God. N.Y.: Washington Square Press, 1975.
67. Gendlin E.T. A Theory of Personality Change // Personality Change / Ed. P. Worchel, D. Byrne. N.Y.: Wiley, 1964. P. 100–148.
68. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton, 1955.